

«Они возвращаются».

Голос Катары был тихим, задумчивым. Зуко долго смотрел в костер, наблюдая за оранжевым свечением, прежде чем поднял голову, проследив за ее взглядом.

Вдалеке виднелся отец, перекинувший руку через плечо Сокки, и по походке Сокки Зуко понял, что ему сказали, что он не может прийти на войну.

Он никогда, никогда не скажет об этом Сокке (ему было неприятно признаваться в этом даже самому себе), но в тот момент Зуко не почувствовал ничего, кроме облегчения. Он не хотел, чтобы Сокка уходил на войну и оставлял их с Катарой наедине с женщинами и детьми. Народ Огня был жесток и бессердечен, и если его брат отправлялся на войну, Зуко хотел быть с ним - чтобы они могли прикрывать друг друга, как делали все это время.

Когда пара приблизилась, Катары и Зуко встали, чтобы поприветствовать их. Зуко заметил, что краска с лица Сокки смыта слезами. Он отвернулся, притворившись, что не видит, и сосредоточился на отце.

Лицо Хакоды было мрачным - казалось, он не улыбался уже несколько недель. С тех пор как массажист обратился к нему с просьбой о помощи. Когда он обращался к детям, в его голосе звучала некоторая отстраненность, словно он не мог вынести теплоты по отношению к ним в этот момент, иначе он не смог бы уйти. «Королевство Земли - наши союзники, и они попросили нас о помощи. В последнее время Повелитель Огня усилил свои атаки; он что-то планирует, и единственная надежда остановить его - объединить наши силы».

«Папа...» прошептала Катары, но не договорила.

Повернувшись, Хакода обратился к сыновьям. «Сокка, Зуко, вы двое должны стать воинами племени, пока нас не будет. Кана будет руководить вами, но как мужчины вы будете иметь право голоса при защите. Сокка, особенно ты, как старший. Вы оба слушайте свою бабушку, но также слушайте свое сердце и свои суждения».

Зуко с трудом сглотнул слезы, грозившие вырваться наружу, и кивнул, подойдя к Сокке. «Мы будем», - пробормотали они оба.

Хакода тоже кивнул, сглотнув. Для него это было так же тяжело, если не тяжелее. Затем он повернулся к дочери. «Катары...»

Но он не успел договорить, потому что она обхватила его за талию и зарыдала. Тогда Сокка повернулся, Зуко шагнул вперед, и все они обняли его - так крепко и так долго, как только могли, потому что все знали, что это может быть в последний раз.

Хакода касался их голов, шептал слова, которые должны были утешить, но оказались бессмысленными. Но корабли были готовы, и в конце концов ему пришлось отступить.

Все смотрели, как он уходит, и стояли на берегу, пока деревянные корабли с голубыми парусами не стали лишь темными точками на горизонте.

Позже Зуко вспомнит этот день и решит, что именно тогда он перестал чувствовать себя ребенком. Когда они все повернулись и зашагали обратно в деревню - такую пустую и мертвую без людей, - он встретился взглядом с Соккой и понял, что больше не будет никаких дружеств... никаких игр. Отец оставил им задание, и они не собирались его выполнять.

ОоОоОоО

Первым сорвался голос Зуко, но первым побрился Сокка. Поначалу он отказывался, пытаясь отрастить персиковый пух на верхней губе в настоящие усы. Но в лучшем случае они были редкими, а когда стало ясно, что правильно отрастает только одна половина, он вынужден был признать поражение.

ОоОоОоО

Солнце поднялось лишь на четверть небосклона, освещая слабым светом яркий снежный пейзаж. За небольшим скоплением домов и на самом берегу возвышался ряд сланцевых холмов. Это было единственное место в нескольких минутах ходьбы от деревни, где солнце могло по-настоящему припекать, помогая скале под ним, и растапливать снег и лед в теплые месяцы. Однако сланец был рыхлым, постоянно осыпающимся, и таким серым и безлюдным, что даже выносливые артистические брамбли не могли прижиться. Единственным признаком жизни служила талая вода, стекавшая с вершин и долин, струившаяся между трещинами и сколами камня, а затем уходящая в море.

Две фигуры стояли бок о бок посреди небольшой впадины, образованной двумя серыми холмами. На первый взгляд казалось, что эти двое танцуют - что-то древнее, но сильное, мощное и неизмеримо грациозное. Юноша и девушка взметнули руки в изящных петлях, стопы упирались в землю, а над ними в небе слева и справа мелькали дуэльные ленты воды и огня.

Оба остановились, собрав свои стихии в шары в руках, а затем снова закрутили их вокруг своих тел. Огонь затрещал и закрутился вокруг Зуко, как красивая и опасная лента. Вода Катары почти полностью копировала его, но ее поток был прохладным, густым и сильным. Там, где его стихия выглядела так, словно готова была вырваться и испепелить кого-то, ее стихия была готова защищать, охлаждать и исцелять.

Время от времени то Зуко, то Катары сбивались с ритма. Ведь их стихии были противоположны, и Зуко приходилось делать движения быстрее, с большей силой. Катары, в свою очередь, должна была почти всегда находиться в движении: направлять воду, толкать и тянуть ее по воздуху.

Именно она поддерживала темп, направляя их общий набор ката, который они вместе разрабатывали последние несколько лет, не имея ничего, кроме смутных идей и решимости.

«Так, а теперь... выходим», - сказала она, и оба переместились в низкое приседание; Катара выпустила воду, превратив ее в острие копья, словно для того, чтобы поразить врага. Огонь Зуко превратился в копье. Обе стихии вышли на дистанцию контроля - около тридцати футов, прежде чем сгибатели притянули их к себе.

«И защищайтесь». скомандовала Катара.

На этот раз их движения снова были в унисон. Оба взметнули руки внутрь и вверх, выставив их как щит перед лицами воров. Их стихии подхватили их движения, и перед каждым из них возникла плотная стена льда и огня. Они продержались так на протяжении трех секунд, после чего опустили руки.

Это был конец. Двадцать минут работы, и они прошли все ката, которые создали. Это было лучше, чем ничего, но учить новые формы без помощи и с нулевыми данными было очень утомительно... для них обоих.

Катара вздохнула и дала воде стечь с пальцев на землю. Зуко направил пламя к костру, который он развел, чтобы приготовить обед. Он предпочитал всегда иметь при себе запас огня, когда тренировался, как маг воды, а не генерировать его самостоятельно. Так он мог с большей легкостью повторять плавные движения Катары.

«Настоящие маги с мастерами тренируются от рассвета до заката», - ворчал он, потягиваясь и касаясь пальцами ног. В то время он не понимал, почему Катара так стремится встретить другого мага. Теперь он знал. Каждый раз, когда их формы заканчивались, он чувствовал укус нетерпения, а также что-то еще, что-то грустное. Это была жажда, не сильно отличающаяся от голода или жажды.

Катара подошла к костру, чтобы проверить, как жарится их обед. Рыба все еще тихонько шипела, подпертая двумя палочками. Пройдет еще несколько минут, прежде чем они смогут поесть. Она подняла глаза на его слова и нахмурилась. «Не говори так, - приказала она, направив на него веточку. «Я настоящая кривляка, и ты тоже». Правда, она немного тосковала по тому, что ей нечем заняться весь день, кроме как сидеть и тренироваться. Остальные члены племени могли уделить им не более часа в день... и то во время обеда.

«Просто... это еще не все. Мы могли бы сделать еще столько всего, и я хотел бы это запомнить!» Он прижал пятку ладони ко лбу, словно желая выдавить из себя все знания. Конечно, ничего не вышло. Никогда ничего не приходило.

Катара бросила на него косой взгляд через костер. «Все в порядке. Мы разберемся... как-нибудь».

ОоОоООО

Зуко вздохнул и еще раз проклял Катару за то, что она так некстати заболела гриппом. Когда ее не стало, ему пришлось учить малышей, как правильно завязывать сети. Он не умел обращаться с детьми, отчасти потому, что не помнил себя маленьким ребенком, а отчасти потому, что был нетерпелив.

«Тукту, начни этот ряд сначала, - сказал он, наклоняясь, и быстрым движением распутал некачественную работу. «Тебе придется полагаться на эту сеть, так сделай ее хорошей и крепкой».

Младший брат Тукту, Денахи, держал свою сеть, ухмыляясь беззубой ухмылкой. «Зуко, как тебе это?»

Он взял сеть в руки. Узлы были достаточно хороши, но «ты плетешь сеть слишком туго», - рассеянно сказал он, передавая ее обратно и оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что остальные дети все еще занимаются тем, чем должны заниматься. «Ты же не осьминога ловишь».

«Что такое осьминог?»

Зуко удивленно посмотрел на мальчика. Ведь он сам это сказал, не так ли? «Это... просто старая поговорка, я думаю. Неважно». Он тряхнул головой, чтобы прояснить ситуацию. Откуда это взялось?

ОоОоООО

<http://tl.rulate.ru/book/61028/4752604>